

СОЦИАЛЬНАЯ ИЗОЛИРОВАННОСТЬ ДИАЛЕКТА, ЕГО ПРЕСТИЖНОСТЬ И ДИВЕРГЕНТНЫЕ ПРОЦЕССЫ В НАЦИОНАЛЬНОМ ЯЗЫКЕ

Е. В. Брысина^{1, @1}, В. И. Супрун^{1, @2}

¹ Волгоградский государственный социально-педагогический университет

@¹ filolog@vspu.ru

@² suprun@vspu.ru

Аннотация: В статье рассматриваются социально изолированные говоры русского языка, обладающие высокой положительной оценкой, престижностью в среде носителей. Поморский говор частично кодифицирован. Кубанское казачество имеет русско-украинское происхождение, кодификацию получила только украинская балачка. Донской престижный говор не получил кодификации, но из-за социальной изолированности не испытывает влияния соседних говоров и литературного языка.

Ключевые слова: дивергенция, субэтнос, лингвоним, микроязык, социально изолированный говор, престижный говор.

Для цитирования: Брысина Е. В., Супрун В. И. Социальная изолированность диалекта, его престижность и дивергентные процессы в национальном языке // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 94 – 100.

Дивергенция является главным фактором языкового развития человечества. Все современные языки (кроме искусственно созданных и возникших в результате пиджинизации/креолизации) появились в результате распада предшествующего диалектного континуума и выделения из него самостоятельных лингвальных сущностей. На языковую дивергенцию не могут повлиять ни отсутствие сколько-нибудь значимых, очевидных материальных расхождений между материнским языком и выделяющимся из него идиомов, ни лингвальная конвергенция, проявляющаяся в доминировании мировых языков, в заимствованиях на всех языковых уровнях, в сближении языков вплоть до полной ассимиляции малочисленных, ни процессы глобализации, ведущие к унификации различных сторон жизни этнических сообществ, включая лингвокультурные, ни политические запреты и репрессии и т. п. Представление о самостоятельности, самобытности, неслиянности в этноязыковом отношении с соседями, возникнув однажды в языковом сознании отдельных представителей субэтноса, постепенно набирает число сторонников, особенно при активной деятельности пассионарных личностей, диалектной языковой элиты, и приводит в конце концов к созданию нового языка и нового этноса. Примерами подобного языкового развития последнего времени в Рак Slavica являются конкретные шаги по созданию самостоятельных черногорского и боснийского языков, стремление укрепить статус русинского (руснацкого) литературного языка и пр.

На основе дивергентных процессов могут возникать не полноценные литературные языки, а лингвальные квазисистемы, представляющие собой кодификацию диалекта и его использование для официальной коммуникации. А. Д. Дуличенко назвал подобные идиомы микроязыками. Они базируются на диалектах периферии того или иного языкового пространства или на островном говоре. Микроязыки обладают письменностью и письменной практикой, имеют определённую степень нормализации. Они используют-

ся в некоторых сферах, типичных для литературных языков (художественная литература, медиаресурсы, театр и пр.), однако всегда в ограниченном объёме [10; 11]. У подобных идиомов ограниченное число носителей, вплоть до единичных, как, например, у ляхского микроязыка в Чехии (Силезии), который использовал практически один автор – поэт Ондра Лысогорски [26].

Н. Д. Голев в одной из своих работ ввёл понятие ментально-языковой ситуации, которое позволяет охарактеризовать состояние общества с точки зрения его взаимоотношений с языком. По мнению учёного, «данное понятие призвано зафиксировать взаимодействие онтологической сферы – языкоречевой действительности и человека (общества), стремящегося воздействовать на неё <...>, и сферы ментальной, отражающей и эту действительность, и это воздействие в формах как стихийного познания, так и в форме научных понятий» [9, с. 179]. В современном русском диалектном континууме возникла ментально-языковая ситуация, когда носители диалектов стремятся преобразовать языкоречевую действительность, повысить лингвосоциальный статус своего идиома до самостоятельного, выделившегося из национального (материнского) языка, придав при этом своему субэтносу черты отдельного этнического феномена.

Данные процессы взаимосвязаны с функционированием в русском диалектном континууме говоров, отличающихся от соседних своей социальной изоляцией, выделением их носителей своими лингвокультурными чертами (занятиями, образом жизни, традициями, обычаями, обрядами и особыми номинациями отдельных природных явлений, артефактов и действий). Многолетнее исследование ранних переселенческих донских говоров Волгоградской области, выявление специфики их функционирования, сравнение с языковыми процессами в других говорах территорий позднего заселения позволило Р. И. Кудряшовой ввести понятие *социально изолированные говоры*, которые характеризуются обособленным существованием и развитием не в силу специфики

их географического положения, а в связи с особым социальным положением носителей, сложившимся исторически. В их число входят говоры донского казачества, которые представляют собой такую исторически сложившуюся особую социально замкнутую диалектную группу [13].

Донской казачий субэтнос с момента возникновения выделялся в составе великорусского народа своими лингвокультурными чертами. Обусловлено это было особенностями возникновения донского казачества, сформировавшегося в своей основе из представителей великорусского народа (прежде всего носителей южнорусского наречия). В лингвистическом отношении – при всём своеобразии языковых черт – донские говоры являются органичной частью русского диалектного пространства. Диалекты Обдونها входят в южновеликорусское наречие, обладая всеми его главными чертами: аканье, яканье, рефлекс *ѣ* под ударением в виде [e], [ɣ] фрикативный, отсутствие смешения фонем [ц] и [ч], флексия третьего лица единственного и множественного числа настоящего-будущего времени с мягким [т'] на конце [18, с. 44].

Донские казачьи говоры, как отмечает Р. И. Кудряшова, граничат как со сходными говорами, так и с диалектами, отличающимися от них по своей структуре. Будучи социально изолированными, они имеют специфику развития в сравнении, с одной стороны, с территориально изолированными (островными) говорами и, с другой стороны, с переселенческими говорами неизоллированного типа [13].

Социально изолированные говоры отличаются тем, что их носители ощущают ценность и неповторимость своей речи, вербализуют эту положительную оценку при коммуникации с представителями своей этногруппы и с инодиалектными лицами или говорящими на литературном языке. Это стало причиной особого лингвокультурного явления – существования *престижных* говоров в диалектной системе русского языка. Обычно носители диалекта воспринимают свою речь как престижно более низкую по сравнению с литературным языком. Э. Сепир отмечает: «Говорящие на местных диалектах начинают стесняться своих специфических речевых форм, поскольку последние лишены престижной значимости стандартизованного языка; и в конце концов создается иллюзия существования основного языка, обслуживающего обширную область, являющуюся территорией проживания нации или национальности, и множества местных форм речи как некультурных и испорченных вариантов основной нормы» [19, с. 217].

Социально изолированные говоры всегда престижны для говорящих на них, их носители убеждены в способности идиома выступать в качестве средства полноценного общения во всех коммуникативных сферах. Для большинства донских казаков их говор обладает положительными оценочными характеристиками, в своих высказываниях они подчёркивают эти аксиологические черты родного диалекта: *Красивый казачий говор, кому ж он не нравится. Говор – наша родина, так говорили наши отцы и деды, это наша история. Говор – это наш край, наша земля, родина. Сложившееся в момент создания и самоопределения субэтноса особое чувство высокого самосоз-*

нания, самоуважения, позитивной самооценки, представлений о единстве жителей Дона стимулирует их к овладению именно своим говором, который продолжает жить и сохранять основные черты фонетической, грамматической и лексико-фразеологической системы [15, с. 33, 55 – 57].

Социальная изолированность и базирующаяся на ней престижность диалектной речи относится не только к донским говорам, но и, например, к поморским. Осознание престижности своего идиома приводит к формированию потребностей в кодификации диалектной речи, к попыткам оформления говора в качестве самостоятельного (квази) литературного языка. Издан подготовленный ещё в 1938 г. словарь не диалекта, как это происходит в остальной России при лексикографической обработке материала территориальных говоров, а *живого поморского языка* с дополнением в названии «в его бытовом и этнографическом применении» [12], закреплён для этого языка термин *говоря* [17].

Следует отметить, что для повышения престижности диалекта важным является создание *лингвонима*, состоящего из прилагательного от названия субэтноса и диалектного слова, синонимичного литературному *язык*. Видимо, второе является весьма важным на этапе формирования представления о самостоятельности говора, его (квази)литературном употреблении. Если в славянской среде для языков с устойчивым самостоятельным статусом используются однокоренные названия: *русский язык, български език, македонски јазик, српски језик, český jazyk, slovenský jazyk, język polski, hrvatski jezik, slovenski jezik*, то для более позднего выделения кодифицированного языка становится необходимым своё обозначение, отличное от нарицательного слова, существующего в материнском языке: *українська мова, беларуская мова*. Точно так же возник термин *говоря* < *говорить*.

Предпринимаются попытки создания подобного (квази)литературного языка для кубанских казаков – *балачки* на основе украинского диалекта. Однако эти намерения не учитывают двуприродность кубанских казаков: основателями казачества на Кубани были волжские и хопёрские казаки, которые в 1777 г. были поселены на Азово-Моздокскую (Кавказскую) укрепленную линию; к ним в 1793 г. в западной части Кубани постепенно перебрались бывшие запорожские казаки, «Войско верных казаков запорожских», которым после Ясского мира (29 декабря 1791 г. / 9 января 1792 г.) были предоставлены земли вдоль побережья Чёрного моря между реками Днестр и Буг, из-за чего войско было переименовано в «Черноморское казачье войско». 40 куреней (около 25 тыс. человек) черноморцев переселились на кубанские земли [25; 16]. Жители западной части Кубани говорили на украинском диалекте, а при оформлении письменной речи в XX в. нередко прибегали к украинскому литературному языку (прежде всего в зарубежье).

Термин *балачка* возник от глагола *балакати*, который в украинском литературном языке обозначает ‘говорить, разговаривать, беседовать’, но в отличие от нейтрального глагола *розмовляти* в нём имеется негативно-снижательный оттенок значения, ярко выраженный в дериватах *балаканина* ‘болтовня, пусто-

словие', *балакун* 'говорун, пустомеля, болтун', *балакуха* 'болтушка, болтунья', *балакучий* 'говорливый, словоохотливый' [24, с. 15 – 16]. В кубанском диалекте глагол *балакать* получил значение 'говорить на кубанском говоре с украинской языковой основой' [5, с. 126], что и позволило образовать от него названия для идиома.

На востоке в кубанских станицах говорят на донских говорах, причём хорошо сохранившихся; они никакого отношения к балачке не имеют. Когда составители Словаря донских говоров Волгоградской области (далее СДГВО) подбирали материал из художественных текстов писателей зарубежного казачества, в Российской государственной библиотеке была обнаружена книга писателя Д. Е. Скобцова-Кондратьева «Гремучий родник» [21], текст в ней был насыщен словами, известными из донских говоров: *крыга* 'кусок, глыба льда, льдина' (с. 5, ср.: [22, с. 275]), *любистек* (с. 5, ср. *любистик* 'травянистое пряное растение любисток' [22, с. 305]), *зажадовать* (с. 7, ср. *жадовать* 'быть скупым, жадничать' [22, с. 164]), *пожадовать* 'проявить жадность, пожадничать, поскупились' (с. 10, ср.: [22, с. 442]), *поохотиться* (с. 7, ср. *охотка* 'желание, стремление, склонность' [22, с. 399]), *юртовый* 'принадлежащий юрту – земельным и водным угодьям одной казачьей станицы' (с. 8, ср.: [22, с. 685]), *куток* 'часть населённого пункта' (с. 10, ср. [22, с. 289]), *клевценогий* 'с ногами, расходящимися от колен в разные стороны' (с. 13, ср. [22, с. 247]), *наблюсти* (с. 13, ср. *наблюдать* 'не давать прекратиться, утратиться, нарушиться; поддерживать, соблюдать' [22, с. 329]), *дружко* 'распорядитель на свадьбе со стороны жениха' (с. 14, ср. [22, с. 152]), *полудружий* 'помощник распорядителя на свадьбе – дружка' (с. 14, ср. [22, с. 450]), *хата* 'казачий дом, обычно небольшой, в одну-две комнаты' (с. 14 – 15, ср.: [22, с. 624]). Позже волгоградские диалектологи узнали, что Даниил Ермолаевич Скобцов родился в станице Брюховецкой Ейского уезда Кубанской области (ныне райцентр Краснодарского края), работал в станице Лабинской. Сходство употреблённых в его романе диалектизмов с донскими связано с тем, что он был «линейцем», т. е. потомком выходцев с Дона. Но биография кубанского писателя не позволила лексикографам включить материал из его книги в СДГВО.

В романе «Гремучий родник» рассказывается о казачьем обычае, осуществляемом на второй день свадьбы, известном на Дону в составе фразем *бить калину* 'обряд. на второй день свадьбы утром разбивать тарелку с красной калиной в знак того, что невеста сохранила невинность' *Разбивают тарелку с калинай на фтарой день свадьбы* (Наг.). *Бьют калину – паттвирждають, што невеста чесная* (Дор.). *На фтарой день калину бьют* (Наг.). Ген. [22, с. 44]; *играть калину*. 'обряд. действие на второй день свадьбы, когда в знак сохранения невестой до замужества невинности выносят калину (ранее выносили простыню с постели новобрачных); то же, что *носить калину*' *На фтарой день калину играли и калинай закусывали* (Мор.). *Калину играли – зимой сухую, а так свежую – и ничем ни закусывать, толька калинай. Па правую руку жыниховы гости, па*

левую – нивестины (Торм.) [22, с. 217]; *носить калину* 'обряд. выносить гостям гроздь калины на второй день свадьбы в знак сохранения невестой невинности до замужества (ранее выносили простыню с постели новобрачных); то же, что *играть калину*' *На фтарой день на свадьбы калину насили* (В-гн.) [22, с. 359]. Эта фразема отмечена и в Большом толковом словаре донского казачества (далее БТСДК): *нести (носить) калину* 'часть свадебного обряда' *Нисуть калину после свадьбы родителям невесты, за иё деу́стиннасть* (Груш.). *Фтарой день свадьбы насили калину, паказывали прастыню* (Евс.) [1, с. 320] (сокращённые наименования населённых пунктов см.: [1, с. 15 – 18; 22, с. 693 – 695]).

Как показывает текст Д. Е. Скобцова-Кондратьева, при переселении на Кубань носители говора несколько видоизменили ход реализации обряда, усовершенствовались, усложнили его, но сохранили за калиной символический смысл сохранения невестой невинности до замужества: *Наутро Мирон (молодожён) приложился и ловко разбил одним выстрелом из двухстволки те две бутылки, перевязанные красной ленточкой, с воткнутым в горлышко пучком калин, которые были водружены на крыше хаты около трубы. Запестрели красной калиной, знаком девичьей чести, платки свашек, шапки «дружка» и полудружья* (с. 14).

В тексте упоминаются перевязанные красной ленточкой бутылки, которые участвуют в свадебном обряде на Дону под названием *быки* или без особого наименования: *быки* 'обряд. стоящие на свадебном столе перед женихом и невестой две бутылки вина (или другого спиртного напитка), связанные красной лентой' *На свадьбы пирид жынихом и нивестай быки стаять* (Длг.). Мих. *А перед новобрачными стоят две связанные лентой бутылки со слабым церковным вином да в рюмках – вместо вина – густой вишинёвый взвар* (В. Земцов. Донская свадьба).

Полностью повторяется в отрывке из романа, опубликованном в Париже в «Казачьем сборнике», описание донского обряда одевания хомута родителям девушки, не сохранившей невинность, правда, героями описываемого события не осуществлённого: *Был тревожный момент, когда с брачного пира повели молодых в приготовленное для них помещенье. Некоторые повесы из жениховой родни приготовили, было, хомут, чтобы накинуть в позор и поношение на Алдакима Прокофьича, не сумевшего как бы соблюсти честь дочери, давши будто бы ей слишком большую волю. Однако всё кончилось как нельзя лучше. Химка была бойка, но честь соблюла* [20, с. 20]. На Дону этот обычай имеет следующее описание: *надевать / надеть (одевать / одеть) хомут / хомуты* 'обряд. утром после первой брачной ночи надевать на родителей невесты хомуты, если новобрачная не сохранила до свадьбы девственность' *Нюшка, ни хади на игрища, хош, штоп хамуты нам надели?* (Блш.). *Если невеста ничесная, то на радитилий надявають хамуты и праводють па фсяму сялу* (Клет.). *Хамут надивали на радитилий нивесты, если невеста была ничесная* (Дбр.). *На фтарой день свадьбы хамут надивали при асобай ситуации* (В-гн.). *Надывали хамут на мать ничеснай невесты* (Пгч.). *Если невеста ниче-*

сная, то на радитилий хамут адивали и ганяли па фсиму хутару (Зах.). Ат., Н-гн., Сл. Глух. В БТСДК также отмечен этот обычай: *Хамут надивали на тѣ-шишу, если невеста ничесная. Это было ни при маих памятах* (Ром.) [1, с. 300].

Как видим, данные языковые единицы и лингвокультурные тексты не связаны с балачкой, они вполне вписываются в донской говор, входя в единый континуум русского казачьего диалектного пространства, продолжение которого можно найти в других казачьих говорах от Урала до Забайкалья, естественно, с проявлениями лексико-семантических и фразеосемантических инноваций в результате удалённого проживания, физико-географических характеристик территории, межэтнических контактов и междиалектного взаимодействия. Балачка же в лингвистическом отношении тяготеет к украиноязычному диалектному пространству.

Специалисты отмечают, что постепенное взаимодействие, а затем и слияние украинской и южнорусской этнографических групп (черноморского и линейного казачества), образование в 1860 г. Кубанской области и Кубанского казачьего войска привели к возникновению особого субэтноса – *кубанского казачества*, что было вызвано рядом причин: совместное проживание в новых географических условиях, окраинное положение области, относительная социально-политическая автономия населения, выражающаяся в наличии общинно-войсковой организации, самоуправления, закреплённой войсковой земли, постепенно укрепляющаяся сословная замкнутость (с определённого времени приём в казаки был ограничен, а затем и прекращён). Жители края стали воспринимать себя как особую общность людей, считая себя не только россиянами, но и кубанцами, для которых Краснодарский край – *Кубань-матир*. Они противопоставляют себя жителям Центральной России, которых иронично или даже презрительно называют *кацапами* и *москалями* [6, с. 75]. От корня *кацап* образованы собирательные негативно окрашенные названия переселенцев из средней части России: *кацапенья*, *кацапландия*, *кацапня* [4, с. 109]. Похоже, однако, что исследователи единого кубанского субэтноса опираются в основном на этнолингвистический материал, собранный среди говорящих на балачке.

Этнологи обнаружили, что в послереволюционные годы кубанское казачество постепенно утратило ряд важных признаков субэтноса, превратившись в этнографическую группу русского народа [2, с. 140; 3]. Носители языка свидетельствуют об утрате балачки: *Диты наши нэ балакають, ужэ разговаривают, ужэ пэрэвэрнулись. А мы це ны пэрэвэрнулись* [6, с. 76].

На Кубани народная речь постепенно трансформировалась в региолект. А. С. Герд определял его как «особую форму устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта, развились новые особенности. Это форма, с одной стороны, не достигшая еще статуса литературного языка, а с другой, в силу наличия многих ареально варьирующихся черт, не совпадающая полностью и с городским просторечием. Региолекты охватывают ареал смежных диалектов, включая сюда города и посёлки городского типа

и тем самым весьма значительные группы того или иного этноса. На смену старым крестьянским диалектам приходит не стандартный литературный язык, а особые новые формы разговорной речи. Диалекты не умирают, а трансформируются в региолекты» [7, с. 23 – 24; 8].

Иначе обстояли дела у донских казаков. Несмотря на высокую престижность диалекта, активное движение по признанию казаков в качестве самостоятельного этноса, вылившееся в ряде публикаций, прежде всего в Ростове-на-Дону и городах Ростовской области, на включение в переписи населения 2002 и 2010 гг. возможности ответа на вопрос о национальности слова *казак*, не было осуществлено существенных шагов по кодификации местного диалекта и признания за ним статуса (квази)литературного языка. Причиной, видимо, было отсутствие профессионально грамотных решений по кодификации говора, как это произошло у поморов и отчасти у кубанцев. Не получил поддержки в донском казачьем сообществе лингвотермин *гутор* (*гутар*). В народном языке он практически не использовался, в СДВГО и БТСДК слово *гутор* имеет значение ‘разговор’: *А чиво тибе сам мной гуторить, гутора ни палуцица* (Каз.) [1, с. 124]; *Все с весёлым гутором и смехом спешат, беззаботные, счастливые, нарядные* (Ф. Крюков. Офицерша) [22, с. 129]. В значении ‘казачья речь, донской говор’ (в словаре ошибочно: ‘донское наречие’) используется слово *гуторка* [22, с. 129], однако БТСДК это слово дефинирует как ‘разговор’ [1, с. 124]. Новые материалы донской речи, включённые в картотеку будущего 3-го издания СДВГО, обнаруживают значение ‘казачья речь, донской говор’ и у слова *гутор*: *Эт у нас такой гутар* (Ольх.), однако ограниченность распространения (х. Ольховский Урюпинского района) не позволяют квалифицировать его как общепринятый лингвотермин, как и лексему *гуторка*, которая зафиксирована только в Калаче-на-Дону и соседнем хуторе Большом Набатовском.

Лексемы *гүтор*, *гутор*, *гуторка*, *гуторка* не ограничены донским диалектом. СРНГ отмечает их распространение в Курской, Орловской, Тамбовской, Калужской, Рязанской, Псковской, Пензенской, Саратовской областях [23, с. 249 – 250]. Эти слова имеют значения ‘разговор, беседа’, ‘речь, говор, выговор’, ‘шум’.

Следует отметить и определённые сложности с определением казаков как этноса. У этой идеи имеется негативный исторический след: её активно пропагандировали некоторые представители зарубежного казачества, которые после начала Второй мировой войны стали на сторону Гитлера, поддержали фашизм. Подобный отрицательный шлейф у идеи выделения казаков как самостоятельного этноса, несомненно, сдерживает создание казачьего (квази)литературного языка, сходного с балачкой и говорей.

Это, однако, не сказывается на престижности донского диалекта, которая приводит к тому, что социально изолированный говор практически не испытывает воздействия иноязыковых и инодиалектных систем. Как отмечает Р. И. Кудряшова, сравнение языковых процессов в ранних переселенческих донских казачьих говорах и собственно переселенческих

волжских говорах Волгоградской области, возникших значительно позднее, показало, что для волжских, как и для других говоров Среднего и Нижнего Поволжья, характерно активное междиалектное контактирование, тесное взаимодействие соседних говоров с разными диалектными основами, чего не наблюдается в донском диалекте [13]. В силу своей социальной изолированности донские диалекты, будучи престижными, сохраняют наиболее важные особенности традиционной системы. Социально-историческая изоляция донского казачества ограничивала контакты с соседями-неказаками, престижность говора исключала влияние на донские диалектные системы иных диалектных систем. Оказать воздействие на речь казаков одного округа могли только соседи-казаки [14, с. 24]. Диалектологические экспедиции 60 – 90-х гг. XX в. и начала XXI в. в донские районы позволяют утверждать, что в системе современных волгоградских казачьих диалектов по-прежнему проявляются все те особенности, которые были характерны для них в момент их формирования.

Итак, ментально-языковая ситуация в донском диалектном сообществе в силу социальной изолированности характеризуется не только его противопоставленностью другим окрестным жителям и осознанием престижностью своего говора, но и специфическими лингвокультурными чертами, своими субэтническими концептами, вербализованными в диалектной лексико-фразеологической системе и фольклорно-художественных текстах. Носители донских говоров уверенно пользуются ими не только в общении друг с другом, но и во внешней коммуникации, используют фонетические явления, грамматические формы, лексемы и фраземы при речевых контактах с представителями других диалектов и с говорящими на литературном языке. На лингвокультурном уровне отмечаются высказывания носителей престижных говоров с положительной оценкой своей речи. При этом из-за негативного исторического шлейфа и отсутствия адекватных действий специалистов не происходит кодификации диалекта и формирования на его базе квазилитературного языка или микроязыка.

Литература

1. Большой толковый словарь донского казачества. М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2003. 608 с.
2. Бондарь Н. И. Что мы знаем друг о друге? Этнографические очерки о народах Кубани // Кубанский краеведческий ежегодник. Краснодар, 1990. С. 133 – 147.
3. Бондарь Н. И., Жиганова С. А. Фольклор и этнография кубанского казачества: учеб. пособие. Краснодар, 2009.
4. Борисова О. Г. Лексика и фразеология кубанских говоров: материалы к словарю // Вестник ПСТГУ. (Серия III: Филология). 2014. Вып. 4(39). С. 99 – 116.
5. Борисова О. Г., Костина Л. Ю. Эволюционные процессы в лексико-фразеологическом пространстве говоров позднего образования (на материале говоров Кубани) // Известия ВГПУ. (Серия: Педагогические науки. Филологические науки. Исторические науки). 2015. № 4(99). С. 126 – 132.
6. Борисова О. Г., Костина Л. Ю. Экстралингвистическая база изучения современных кубанских говоров: устойчивость и изменчивость основных параметров // Известия ВГПУ. (Серия: Филологические науки). 2014. № 5(90). С. 73 – 79.
7. Герд А. С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. 488 с.
8. Герд А. С. Диалект – региолект – просторечие // Русский язык в его функционировании: тез. докл. Междунар. конф. (III Шмелевские чтения). М., 1998.
9. Голев Н. Д. Современная ментально-языковая ситуация в России и содержание школьного курса русского языка: смена парадигм // Природные и интеллектуальные ресурсы Сибири (СИБРЕСУРС-6-2000): Доклады VI Международной научно-практической конференции (краткое содержание) / Отв. ред. В. Н. Масленников. Томск: ТУСУР, 2000. С. 179 – 181.
10. Дуличенко А. Д. Малые славянские литературные языки (микроязыки) // Языки мира: Славянские языки. М.: Academia, 2005.
11. Дуличенко А. Д. Славянские литературные микроязыки: вопросы формирования и развития. Таллин: Валгус, 1981.
12. Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / ред. И. И. Муллонен (отв. ред.), В. П. Кузнецова, А. Е. Беликова. Петрозаводск: Изд-во Карел. науч. центра РАН, 2011. 455 с.
13. Кудряшова Р. И. Слово народное. Говоры Волгоградской области в прошлом и настоящем. Волгоград: Перемена, 1997. 124 с.
14. Кудряшова Р. И. Социально изолированные говоры на территории Волгоградской области // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. 2014. № 6(60). С. 22 – 26.
15. Кудряшова Р. И. Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа (на материале донских казачьих говоров Волгоградской области): дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград: Волгогр. пед. ун-т, 1998. 93 с.
16. Малукало А. Н. Кубанское казачье войско в 1860 – 1914 гг. Краснодар: Кубанькино, 2003.
17. Мосеев И. И. Поморьска говоря. Краткий словарь поморского языка. Архангельск: Правда Севера; М.: Белые альвы, 2005. 372 с.
18. Русская диалектология / под ред. Н. А. Мещерского. М.: Высшая школа, 1972. 304 с.

19. Сепир Э. Диалект // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ. под ред. и с предисл. А. Е. Кибрика. М.: Прогресс; Универс, 1993. С. 216 – 222.
20. Скобцов-Кондратьев Д. Е. Гремучий родник: Роман. Париж, 1938. 310 с.
21. Скобцов-Кондратьев Д. Е. Суд // Казачий сборник. Париж: Изд-е Казачьего союза, 1930. С. 16 – 44.
22. Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р. И. Кудряшовой. Изд. 2-е, испр. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. 704 с.
23. Словарь русских народных говоров. Вып. 7 / Гл. ред. Ф. П. Филин. Л.: Наука, 1972. 355 с.
24. Украинско-русский словарь / под ред. В. С. Ильина. Киев: Наукова думка, 1964. 1064 с.
25. Щербина Ф. Д. История Кубанского казачьего войска. М.: Вече, 2013. 576 с.
26. Balowska Gr. Lašské dílo Ondry Lysogorského: kapitoly z lexika. Praha: Univerzita Karlova, 2008 (Acta Slavica et Baltica).

Информация об авторах:

Брысина Евгения Валентиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, декан филологического факультета Волгоградского государственного социально-педагогического университета, filolog@vspu.ru.

Супрун Василий Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Волгоградского государственного социально-педагогического университета, suprun@vspu.ru.

Статья поступила в редколлегию 01.02.2016 г., принята к печати 06.06.2016 г.

**SOCIAL ISOLATION OF THE DIALECT, ITS PRESTIGE AND DIVERGENT PROCESSES
IN THE NATIONAL LANGUAGE**

Brisina Yevgeniya V.^{1,@1}, Suprun Vasilij I.^{1,@2}

¹ *Volgograd State Socio-Pedagogical University*

^{@1} filolog@vspu.ru

^{@2} suprun@vspu.ru

Abstract: The paper discusses socially isolated dialects of the Russian language with a high positive rating of prestige by the native speakers. Pomorian dialect is partially codified. The Kuban Cossacks have Russian-Ukrainian origin, only the Ukrainian *balachka* (*балачка*) was codified. The Don prestige dialect did not receive codification, but because of its social isolation it is not influenced by neighbouring dialects and the literary language.

Keywords: divergence, subethnicity, name of the language, small language, socially isolated dialect, prestige dialect.

For citation: Brisina Ye. V., Suprun V. I. Social isolation of the dialect, its prestige and divergent processes in the national language. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 94 – 100.

References

1. *Bol'shoi tolkovyi slovar' donskogo kazachestva* [The Great Dictionary of the Don Cossacks]. Moscow: Russkie slovari: Astrel': AST, 2003.
2. Bondar' N. I. Chto my znaem drug o druge? Etnograficheskie ocherki o narodakh Kubani [What do we know about each other? Ethnographic essays on Kuban nations]. *Kubanskii kraevedcheskii ezhegodnik – Local History Yearbook*, 1990, 133 – 147.
3. Bondar' N. I., Zhiganova S. A. *Fol'klor i etnografiia kubanskogo kazachestva* [Folklore and Ethnography of the Kuban Cossacks]. Krasnodar, 2009.
4. Borisova O. G. Leksika i frazeologiya kubanskikh govorov: materialy k slovari [The vocabulary and phraseology of Kuban dialects: materials to the dictionary]. *Vestnik PSTGU. Seriya III: Filologiya – Herald PSTGU. Series III: Philology*, no. 4(39) (2014): 99 – 116.
5. Borisova O. G., Kostina L. Iu. Evoliutsionnye protsessy v leksiko-frazeologicheskom prostranstve govorov pozdnego obrazovaniia (na materiale govorov Kubani) [Evolutionary processes in the lexical-phraseological space of lately formed dialects (Kuban dialects material)]. *Izvestiia VGPU. Pedagog. nauki. Filol. nauki. Istor. nauki. – Proceedings of the SGMP. Teacher. science. Philology. science. History. Science*, no. 4(99) (2015): 126 – 132.
6. Borisova O. G., Kostina L. Iu. Ekstralingvisticheskaia baza izucheniia sovremennykh kubanskikh govorov: ustoichivost' i izmenchivost' osnovnykh parametrov [Extra-base study of modern Kuban dialects: stability and variability of the main parameters]. *Izvestiia VGPU. Ser. Filol. nauki – Proceedings of the SGMP. Ser. Philological. Science*, no. 5(90) (2014): 73 – 79.
7. Gerd A. S. *Vvedenie v etnolingvistiku* [Introduction to ethnolinguistics]. Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2001, 488.

8. Gerd A. S. Dialekt – regiolekt – prostorechie [Dialect – regiolect – vernacular]. *Russkii iazyk v ego funktsionirovanii: tez. dokl. Mezhdunar. konf. (III Shmelevskie chteniia)* [Russian language in its functioning: Proc. Intern. Conf. (III Chmelewsky reading)]. Moscow, 1998.
9. Golev N. D. *Sovremennaiia mental'no-iazykovaia situatsiia v Rossii i sodержanie shkol'nogo kursa russkogo iazyka: smena paradigm* [Modern mental-linguistic situation in Russia and the content of school course of Russian language: a paradigm shift]. *Prirodnye i intellektual'nye resursy Sibiri (SIBRESURS-6-2000): Doklady 6-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (kratkoe sodержanie)* [Natural and intellectual resources of Siberia (SIBRESURS-6-2000): Reports of 6-th Intern. Sc.-Prac. Conf. (summary)]. Ed. Maslennikov V. N. Tomsk: TUSUR, 2000, 179 – 181.
10. Dulichenko A. D. *Malye slavianskie literaturnye iazyki (mikroiazyki)* [Small Slavic literary languages (microlanguages)]. *Iazyki mira: Slavianskie iazyki* [Languages: Slavic languages]. Moscow: Academia, 2005.
11. Dulichenko A. D. *Slavianskie literaturnye mikroiazyki: Voprosy formirovaniia i razvitiia* [Slavic literary microlanguages: Questions of formation and development]. Tallin: Valgus, 1981.
12. Durov I. M. *Slovar' zhivogo pomorskogo iazyka v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the Pomeranian language in its everyday life and ethnographic use]. Ed. Mullonen I. I., Kuznetsova V. P., Belikova A. E. [Petrozavodsk: Izd-vo Karel. nauch. tsentra RAN, 2011, 455.
13. Kudriashova R. I. *Slovo narodnoe. Govory Volgogradskoi oblasti v proshlom i nastoiashchem* [The word popular. Dialects of the Volgograd region in the past and the present]. Volgograd: Peremena, 1997, 124.
14. Kudriashova R. I. *Sotsial'no izolirovannye govory na territorii Volgogradskoi oblasti* [Socially isolated dialects in the Volgograd region]. *Russkii iazyk, literatura, kul'tura v shkole i vuze – Russian language, literature and culture in schools and universities*, no. 6(60) (2014): 22 – 26.
15. Kudriashova R. I. *Spetsifika iazykovykh protsessov v dialektakh izolirovannogo tipa (na materiale donskikh kazach'ikh govorov Volgogradskoi oblasti)*. Diss. doktora filol. nauk [Specificity of language processes in the dialects of the insulated type (based on the Don Cossack dialects of Volgograd Region). Dr. filol. Sci. Diss.]. Volgogr. ped. un-t. Volgograd, 1998, 93.
16. Malukalo A. N. *Kubanskoe kazach'e voisko v 1860 – 1914 gg.* [Kuban Cossack troops in 1860 – 1914]. Krasnodar: Kuban'kino, 2003.
17. Moseev I. I. *Pomor'ska govoria. Kratkii slovar' pomorskogo iazyka* [Pomorsk speaking. Concise Dictionary of the Pomeranian language]. Arkhangel'sk: Pravda Severa; Moscow: Belye al'vy, 2005, 372.
18. *Russkaia dialektologiya* [Russian dialectology]. Ed. Meshcherskii N.A. Moscow: Vysshiaia shkola, 1972, 304.
19. Sapir E. *Izbrannye trudy po iazykoznaniiu i kul'turologii* [Selected works on linguistics and cultural studies]. Transl. and ed. Kibrik A.E. Moscow: Progress; Univers, 1993, 216 – 222.
20. Skobtsov-Kondrat'ev D. E. *Gremuchii rodnik* [Blasting spring]. Parizh, 1938, 310.
21. Skobtsov-Kondrat'ev D. E. *Sud* [The Court]. *Kazachii sbornik* [Cossack collection]. Parizh: Izd-e Kazach'ego soiuza, 1930, 16 – 44.
22. *Slovar' donskikh govorov Volgogradskoi oblasti* [Dictionary of the Don dialects of Volgograd Region]. Ed. Kudriashova R.I. 2nd ed. Volgograd: Izdatel', 2011, 704.
23. *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Ed. Filin F.P. Leningrad: Nauka, Leningr. otd., Iss. 7 (1972): 355.
24. *Ukrainsko-russkii slovar'* [Ukrainian-Russian Dictionary]. Ed. Il'in V.S. Kiev: Naukova dumka, 1964, 1064.
25. Shcherbina F. D. *Istoriia Kubanskogo kazach'ego voiska* [The history of the Kuban Cossack Army]. Moscow: Veche, 2013, 576.
26. Balowska Gr. *Lashske dilo Ondry Lysogorskeho: kapitoly z lexika* [Lachian work of Óndry Łysogorského: chapters of lexis]. Praha: Univerzita Karlova, 2008 (Acta Slavica et Baltica).

Received 01.02.2016, accepted 06.06.2016.